

ВЯЧЕСЛАВ МАЙЕР

РАССКАЗЫ

Вячеслав Майер
Майер Вячеслав

«Издательские решения»

Майер В.

Майер Вячеслав / В. Майер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4498-6071-2

Автор – социолог, диссидент, эмигрировавший из СССР, не понаслышке знает уголовный мир Сибири. Ёмкие рассказы отличаются меткостью психологических наблюдений и беспощадностью анализа советского быта.

ISBN 978-5-4498-6071-2

© Майер В.
© Издательские решения

Содержание

БЕЗЛОШАДНИК ВАНЯ ГИТЛЕР	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Рассказы

Вячеслав Майер

© Вячеслав Майер, 2020

ISBN 978-5-4498-6071-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЕЗЛОШАДНИК ВАНЯ ГИТЛЕР

*Три четверти населения страны не знает своих родословий.
Д. А. Медведев, Президент России*

Было это, сейчас кажется, очень давно, в первой половине XX века. Учился я в семилетней школе поселка Дзержинск. Ученики делились на фашистов, к кому относились все немцы в придачу с литовцами и эстонцами, и русских, в среду которых входили коренные сибиряки, хохлы и местные татары. Все фильмы, которые мы еженедельно смотрели в клубе, делились на титровые трофейные о похождениях Тарзана и наши о победах советских воинов над фашистами-немцами в только что закончившейся войне. Немцы всегда проигрывали, были страшные, глупые, грязные, непутевые, русские всегда выигрывали, были умные, рослые, веселые, красивые. Во время демонстрации фильмов мы швыряли в фашистов речную гальку и болты от подков, матерчатый экран шатался, вызывая гнев взрослых. В школе один из учеников Юра Падалкин обозвал меня фашистом, и мне стало так обидно, что я ввязался с ним в драку. Драться мы продолжили после занятий, Юра был старше меня, сильнее, и мне досталось. Вскоре мои друзья, узнав, что меня побил Юрка, заступились, и его, в свою очередь, избili. И так перманентно мы колотили при случае друг друга, пока об этом не стало известно учителям, которые, пригласив нас на ковер, приняли решение. А оно было такое: нам приказали домой возвращаться разными дорогами. Мне досталась дорога, по которой не ходили машины, а Юрке – проезжая. Он мог скорее добираться до дома на попутных машинах, а мне приходилось пешедралить. Естественно, я не стал пользоваться своим путем, и наши драки стали еще более свирепыми, но для меня выигрышными. Юрку Падалкина стали избивать и без моего присутствия, ибо я был более хулиганистым, участвовал во всех школьных проказах и проделках. Тут уже вмешался Юркин отец – пришел к нам домой и пожаловался моему отцу: «Мой сын ходит весь в синяках и кровоподтеках, организатор подобных избиений (это была суцная правда) – твой сын, он хоть и неказистый, но задиристый и ушлый». Отец не стал разбираться и, в свою очередь, унижительно при Юрином отце меня отхлестал ремнем. Я ему это не забыл всю жизнь. Вскоре я с Юркой как-то помирился.

Немцы были всякие: Геринги, Гринвальды, Штоппели, Фрицы... литовцы Валанчусы, Салисы... эстонцы Терасмяги... латыши Рекметы... Когда встречались друг с другом, то, приветствуя, говорили: «Привет, Геринг!», он, в свою очередь: «Привет, Майер!» С осени 1954 года стали с немцев снимать режимы спецпереселений (а они для разных категорий «фашистов» были разные), выдавать «серпастые и молоткастые» паспорта, то семьи стали разбегаться, уезжать в другие, обычно ближние сибирские и казахские места. С сибирской стороны в Европу, за Урал-реку и Урал-горы им путь был пресечен надолго, вплоть до 1972 года. В поселках при въезде и выезде убрали шлагбаумы с будками, немцы стали приезжать в города, сидеть на вокзалах, покупать перронные билеты и встречать родственников без разрешения комендантов.

И вот как-то на Иркутском вокзале я встречаю знакомого и к нему: «Привет, Фриц!» Он покраснел, сказал «здравствуй, Майер» и извинительно попросил: «Не называй меня Фриц, мы сейчас не фрицы, у нас другая фамилия». Стал тут же рассказывать о том, как его сестренки школьницы, терроризируя и обзывая, чуть не довели до самоубийства. Отец обратился в милицию, и там ему посоветовали сменить фамилию. Никуда не денешься, он согласился. Дали нам новые паспорта, но национальность оставили прежнюю – «немцы». Сейчас мы Леспромхозовы, в милиции сказали, что для немцев остались только такие фамилии: Колхозовы, Трактористовы, Автобусовы, Леспромхозовы, Навозовы... Мы согласились стать Леспромхозовыми, так как работаем в леспромхозе «Большая речка». Оскорбительную кличку «фриц» для всех

немцев, включая российских, ввел в словесный пропагандистский оборот самый еврейский из советских русских писателей Илья Григорьевич Эренбург, дважды лауреат Сталинской премии и лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Столько, сколько продолжалась война, а это 1418 дней и ночей, и помножьте на два, получится около трех тысяч, столько статей и листовок о «фрицах» (типа «Папа, убей немца!» или «Мы должны вынуждать в сердцах людей ненависть. Пусть живые поймут, что нельзя жить на одной земле с немцами!») написал, обнимая любимую жену-немку и взирая из постели на стены Древнего Кремля, сий человеконенавистник. Этот «советский наци» проживал в доме, расположенном на ул. Горького 8 (сейчас Тверская, 8). И стали с тех пор немцы на просторах одной шестой части света только «фрицами». Вот «фрицы» прижились в русском языке, а другие его придумки типа «гитлерня» великий и могучий отверг. Возвания-листовки Эренбурга были расклеены по всему Советскому Союзу, они висели на вокзалах и в трудармейских лагерях. Их сбрасывали с самолетов в Польше и Прибалтике, жители которых тогда еще знали русский язык. Особенно негативно их воспринимали в Литве, где сохранялось законодательство Российской империи. Суды там шли по русским законам и на русском языке. А в Польше «друг человечества Эренбург» попал во «враги Речи Посполитой», потому что участвовал в Советской комиссии по катынскому делу, где расстрел чекистами польских офицеров переложили на «фрицев». Людоедское творчество товарища Эренбурга не вынес товарищ Сталин и пресек одним постукиванием трубки. Удивительный человек Илюша (!) во время дела врачей (1952 год) с радостью поддержал инициативу ЦК, партии, разумеется, и МГБ о депортации всех ашкенази, сефардов, татов и даже бухарских евреев на берега притоков Амура Биры и Биджана (в Еврейскую автономную область). А злые языки говорят, что он был сам инициатором этой идеи, ездил по Москве и уговаривал именитых евреев для спасения народа «добровольно» махнуть через Сибирь, поближе к китайской границе, на созданную в 30-х годах родину и чуть ли не своекоштно.

Значимость фамилии и ее функционирования в обществе я понял при следующих крайне неприятных для меня обстоятельствах. На одном из студенческих возлияний, даже помню, что это было в кафе, которое называлось безбрежно «Океан», мы повздорили, только не ведаю, по какому поводу – или из-за девок, которых не поделили, или по избытку адреналина – в общем, подрались. Было все: крики официанток, разбитая посуда, перевернутые столы, кровь, разодранные по рукавам и лацканам пиджаки и, конечно, наряд милиции. Повязали всех и всех до одного доставили в местное отделение. А там допросы Ф. И. О., место и год рождения, конечно, прописка, а дело было в столице нашей Родины, Москве. Будучи прилично подшофе, я понял, что дело пахнет керосином, и уже в воронке свой студенческий билет и деньги засунул под стельки в ботинках. Начали нас разбрасывать по камерам, и дело доходит до меня. Тут я рискнул не на жизнь, а на смерть. Расскажу, почему на смерть, чуть позднее.

Итак, ваша фамилия – «Брежнев Сергей Леонидович», место рождения – «Москва». Сержант милиции посмотрел на меня удивленно и сказал: «Присядьте вон там, на скамейку». Сижу я ни жив ни мертв, трезвею по минутам, в камеру не отправляют, жду исхода. Наконец, перед рассветом, часа в четыре, слышу запрос по селекторному телефону сверху. «Какие у вас происшествия?» – «Да ничего особенного, драка в кафе, всех дебоширов доставили к нам, среди них Брежнев». – «Леонид Ильич?» – «Да нет, какой-то Сергей Леонидович. Что с ним делать?» Вот тут-то я услышал судьбоносные слова в свой адрес. «Да гони его в три шеи, а то не развяжемся». Нет, меня не вышвырнули из милиции коленкой взад, как обычно бывало, а ласково выперли, чуть ли не под белые ручки. Вышел я на свет божий. Рассвет. Москва в сиренево-яблочном цвету. Одно очарование. Я даже как-то вдруг запел: «Друзья, люблю я Ленинские горы» (слова Евгения Долматовского, музыка Юрия Милютина). И было от чего петь, избежал я тогда очень суровых наказаний. В те далекие 60-е годы пьяниц и дебоширов, попавших в вытрезвитель, стригли наголо, «залупили», как тогда говорили. Штрафовали

и направляли дела в районные общественные комиссии. Материалы о хулиганстве и недостойном поведении, позорящем честь и достоинство советского человека, передавали для принятия мер на заводы и фабрики, в парторганизации и учебные заведения. За серьезные правонарушения приговаривали к пятнадцати суткам ареста (выходило обычно четырнадцать – две недели, так проще для не всегда знающих арифметику ментов), где ты должен был под началом милиции трудиться на позорных грязных работах: чистить снег на улицах, убирать захлапленные помещения на предприятиях, грузить песок. На заводах обычно дебоширов и выпивох лишали 13-й заработной платы. В учебных заведениях наказывали строгими выговорами по комсомольской линии с занесением в личное дело. Это легкий исход, более тяжелый – это перевод с очного отделения на вечернее или заочное. Переброска на заочное практиковалась на гуманитарных факультетах. Всегда вчиняли штраф. Если ты не москвич, то прописка аннулировалась, и тебе не оставалась ничего иного, как сматывать удочки и катить в другой город. Нагольная стрижка была всегда, при всех нарушениях. Если сопротивлялся и отказывался добровольно пройти такую процедуру, то, не рассуждая о правах и свободах, привязывали жгутами к стулу и оголяли электробритвами, предназначенными для стрижки овец. При этом бритвенное устройство периодически опускали в сосуд с соляжкой, считали, что она убеждает его от вшей, гнид и прочей нечисти, гнездящейся в шевелюрах. А на то явление, что по физиономиям, грудям и плечам текли масляные подтеки, внимания не обращалось. Попал – терпи и не скули.

Весь нерушимый Союз республик был покрыт широкой сетью вытрезвителей, их не было только в Армении. В вытрезвители Тбилиси и Кутаиси забирали по факту гостеприимства только русских, курдов и армян с азербайджанцами в придачу, то есть не грузин. Стали в это время возникать и женские приемники. Первый такой появился в Мурманске, а затем уже почин подхватили Москва и Ленинград. Во всех медвытрезвителях отечества раздевали «посетителей» перед укладкой в постель, как мужчин, так и женщин, ловко, зажимая голову между ляжек, крепкие мужеподобные дамы. Буянов привязывали к кроватям и окатывали струями из шланга холодной водопроводной, без подогрева, водой. Кровать была покрыта прорезиненной клеенкой, вода с матраса стекала, и никаких постельных благ – лежи, дыши и не рыпайся. Единственное неудобство – голым пребывать в холоде. А уж если вежливо попросишь, то могут снизойти до милости и набросить на тебя, грешного и оплеванного, рваную простынь. Тут много сейчас бы написали приколов, а раньше сказали бы – этнографических подробностей. В каждом вытрезвителе был свой план приема, ибо находились они на хозрасчете. То есть существовали за счет штрафов и не малых, с «гаврика» полагалось «снять» треть заработной платы в одних городах, в других дело доходило до половины. А это, особенно для семьи, живущей только на зарплату, ой, как ощутимо, просто разорение. Плати деньги сразу при расставании с гостеприимным заведением, но редко у кого гульдены были при себе. Сотрудники как милиции, так и приемников не дремали и карманы шустро шерстили. Выписывались штрафы и направлялись на предприятия, где бы ты ни жил, в каком конце Союза и, где бы ты ни работал. Попался в Архангельске, а проживаешь в Чите – плати, голубчик. Иначе суд, с всякими накрутками и пенями. Вытрезвители относились к системе Минздрава. Милиционеры, подбирающие пьяных граждан, были заинтересованы в количестве, разыскивая которое, заглядывали во все подворотни и подъезды. Народ был прибран, как сейчас, не валялся. Предприятия ежемесячно получали сводки о том, сколько их подопечных угодило в милицию, и далее статистический разброс: за драки, семейные потасовки, попадание в медвытрезвитель (первый и последующие разы, а тех, кто умудрился посещать их сотни раз, описывали газеты. Районы и области такими визитерами «гордились»). Эти показатели учитывались в социалистическом соревновании между фабриками и заводами. Они, естественно, отягощали статистику. Посему следовал уже на работе вызов к заместителю директора по кадрам (на проработку), в партком (там выговор), в профком (там снятие с очереди на получение жилья, исключение из списка

на товары длительного пользования: холодильники, стиральные машины, ковры). Гулеванили – куда же денешься, но под присмотром жен, любовниц, не пьющих (обычно хронически больных) друзей. После возвращения с «северов» в ресторанах Тобольска, Иркутска, Благовещенска, да и других городов Сибири и Дальнего Востока заранее у значных мест предусмотрительные посетители «ставили» такси, которое дежурило рядом и отвозило клиента в гостиницу или на квартиру к друзьям аль знакомым.

Шестидесятые годы в СССР были не только временем оттепели, как сейчас повсеместно пишут, но и воплощением неподдельного интернационализма. Тогда любили не свои национальные республики, а народы стран трех «А» – Азии, Африки и Латинской Америки. Жители этих континентов боролись против американского империализма, повсеместно впадая в оголтелый национализм и черный расизм, и их за это чттили и им оказывали все виды гостеприимства. В СССР особое уважение проявлялось в том, что пьяниц и хулиганов из данных стран не брали в вытрезвители, и их не задерживала милиция. В милицию также не гребли детей высокопоставленных партийных и иных чиновников, иностранцев (в том числе и монголов), членов зарубежных коммунистических и рабочих партий, детей и родственников данных людей. Особым вниманием были окружены наиболее пострадавшие от колониализма, ими тогда считались негры. Их пропускали без очереди к прилавку, а наиболее совестливые, которыми всегда на Руси были пьяницы, тут же приглашали их «пошепилить» (то есть к ним присоединиться). Этим термином назвалась складчина: на полулитру «Московской» на троих по рублю получалась водка 2 руб. 87 коп., и 13 коп. на закуску, а это батон хлеба. Глагол «шепилить» произошел от фамилии члена ЦК КПСС Шепилова, который по дурости присоединился к антипартийной клике, состоящей из Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова, Булганина, Первухина, Сабурова. Дмитрий Тимофеевич Шепилов в народе стал не только известным, но и человеком с самой длинной фамилией в СССР, длиннее мальгашских. Говорили и писали Дмитрий Ипримкнувшийкнимшепилов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.